

— Тан! — завидев Тан Хуая, Ханк отложил газету и поднялся навстречу.

Тан Хуай кивнул. Быстро проверив документы и вещи, они сели в машину и направились к зданию мэрии.

Свежий ветерок врвался в открытые окна. Красный «Форд» миновал величественную Площадь Конституции, и вскоре на горизонте показалась городская ратуша Мехико.

Они припарковались и вышли. Возле мэрии толпились туристы с фотоаппаратами, мелькали и азиатские лица. Ханк подошел к посту охраны и заговорил по-испански, а через минуту махнул Тан Хуая рукой. Тот протянул паспорт и визу. Охранник придирчиво изучил документы и кивком пригласил их войти.

В просторном зале за массивным столом сидел чиновник лет пятидесяти в темной отутюженной форме. Выслушав Ханка, он без лишних расспросов принялся за оформление документов. Передача прав на остров пошла на удивление быстро.

Проверка завещания, подписи, гербовые печати, бесконечные копии... Вся бюрократическая процедура заняла от силы час. Узнав, что все формальности улажены, Тан Хуай с любопытством открыл новенькую коричневую книжицу. Его прежнюю временную визу сменил вид на жительство — приятный бонус к наследству.

— Поздравляю, — подмигнул Ханк, едва они вышли на залитую солнцем улицу. — Теперь ты можешь основать собственную державу.

Тан Хуай невольно усмехнулся. С юридической точки зрения остров Сора теперь принадлежал исключительно ему, и теоретически он действительно мог бы провозгласить независимость. Вот только для настоящего государства мало одной земли — нужны армия, конституция, международное признание... Тан Хуай сделал лишь первый шаг по этой шаткой дорожке, да и создание карликовой автономии сулило кучу заковыристых юридических проблем и, чего доброго, военный конфликт.

Будучи обычным владельцем фруктовой лавки, Тан Хуай не страдал манией величия. Он прекрасно понимал, что проводник просто подшучивает над ним.

Перебросившись парой шуток, они сели в машину и взяли курс на штат Герреро. Три часа пути пролетели незаметно, и вскоре показались окраины небольшого порта Феде.

В порту царила суматоха. Полуголые, смуглые от загара грузчики таскали тюки и ящики. Из открытых контейнеров тянуло густым, въедливым запахом рыбы — гавань жила исключительно экспортом морепродуктов.

Пробираясь сквозь влажный соленый ветер, путники долго петляли среди причалов, пока не

остановились у старого рыболовецкого судна. На палубе, широко расставив ноги, стоял крепкий мужчина в выцветшей серой майке. Он зычно выкрикивал команды матросам. У его ног валялись мокрые сети, в которых лениво трепыхалось несколько серебристых сардин.

Ханк панибратски поприветствовал его, и они быстро заговорили на испанском. Крепкий шкипер то и дело бросал на Тан Хуая изучающие, оценивающие взгляды.

Тан Хуай лишь вздыхал про себя. Стоять и глупо улыбаться, не понимая ни слова, — удовольствие ниже среднего. Подобная беспомощность жутко раздражала.

— Тан, знакомься, это капитан Рено, — наконец обернулся к нему Ханк. — Он всё подготовил. Мы можем выходить в море хоть сейчас.

— А эта... посудина точно доплывет? — Тан Хуай с сомнением оглядел борт.

Судно длиной около десяти метров имело три яруса. Облезлая краска местами обнажила потемневшее дерево, а палуба покрылась неистребимым слоем засохшей чешуи. Сразу видно: корыто бороздило океан добрых четверть века.

Тан Хуай всерьез засомневался, выдержит ли этот ветеран Тихого океана пятидневный переход. От побережья Мексики до острова Сора лежали без малого две тысячи морских миль — расстояние, сопоставимое с путем от Мохэ до Чунцина.

— У Рено тридцать лет штурманского стажа за плечами, — успокоил его Ханк. — На этой самой ласточке он дважды ходил до Гавайев и обратно. Старику дозарезу нужны деньги, иначе он ни за что бы не ввязался в такую авантюру. Пойми, Тан, Сора лежит далеко в стороне от торговых путей. Туда не заходят крупные лайнеры.

— Ладно, — вздохнул Тан Хуай.

Деваться было некуда. Раз уж приехал, глупо сдавать назад. На эту поездку он спустил почти двести тысяч юаней. Если сейчас попятиться, все расходы и труды полетят псу под хвост.

Оставалось лишь верить в профессионализм просоленного морем капитана.

Закупив в ближайшей лавке провизию — галеты, хлеб, консервы и ящики с питьевой водой, — они поднялись на борт. В три часа дня по местному времени судно «Белый Штормовой» отчалило от причала и взяло курс в открытый океан.

Имя «Штормовой» подходило старому сейнеру как нельзя лучше: вызов свирепой стихии и вечное стремление вперед. Команда подобралась немногочисленная: угрюмый штурман, три матроса и моторист. Сам Рено умудрялся совмещать обязанности капитана, кока и механика.

Нижний ярус занимали тесные каюты, на среднем располагались капитанская рубка, камбуз и небольшая кают-компания. Верхняя палуба служила мостиком. Тан Хуай стоял у самого юта, подставив лицо упругому соленому ветру. Впервые в жизни он видел настоящий океан — безбрежную, пугающую и манящую синеву.

— Держи, лишним не будет, — раздался за спиной голос Ханка. Проводник вальяжно подошел к лееру, потягивая пиво из жестяной банки.

Он протянул Тан Хуаю маленькую белую таблетку. Тот скользнул взглядом по блистеру с драже от укачивания и покачал головой:

— Спасибо, не надо.

К собственному удивлению, Тан Хуай оказался обладателем отменного вестибулярного аппарата. Ни многочасовой перелет, ни мерная бортовая качка не вызвали у него ни малейшего дискомфорта.

— Магеллан был великим человеком, — задумчиво протянул Ханк, глядя на пенный след за кормой. — Мечтаю когда-нибудь повторить его путь. Собрать флотилию и уйти на запад, покорять волны.

Тан Хуай молча кивнул. За время пути они успели сблизиться. Ханк вырос в штате Оахака в семье потомственных рыбаков, но сумел поступить в престижный Вашингтонский университет. А получив диплом, совершил безумный с точки зрения обывателя поступок: отказался от теплого местечка в Нью-Йорке и вернулся на родину — ловить тунца.

Его жизненную философию не поняли бы ни в Китае, ни в самой Мексике. Из-за этого выбора Ханк вдрызг разругался с родителями, но упрямо гнул свою линию. Парень грезил океаном, хотя понимал, что без стартового капитала собрать экспедицию невозможно. Вот и крутился как мог: ходил в море, а в перерывах подрабатывал переводами для редких туристов.

Поболтав еще немного, они разошлись по каютам. Следующие три дня слились в монотонную череду вахт и отдыха. Первое время Тан Хуай подолгу стоял на баке, любясь закатами, но вскоре однообразный пейзаж примелькался. Оказалось, что лежать на койке с потрепанным детективным романом куда приятнее, чем пялиться на бесконечную воду. Эх, ловила бы здесь сеть — он обязательно выложил бы парочку эффектных селфи в блог...

Размеренное путешествие прервалось внезапно.

В предрассветный час четвертых суток Тан Хуая выбросило из сна пронзительным, режущим уши воем аварийной сирены. Палуба под ним уходила из-под ног, судно кренилось с боку на бок с угрожающей амплитудой.

«Что стряслось?»

Накинув куртку, он торопливо выбрался наверх. Ночной океан встретил его ледяным, пронизывающим дыханием — в четыре утра температура в тропических широтах резко падала.

На полутемной палубе царил хаос. Тан Хуай вцепился в поручни, и у него перехватило дыхание: до самого горизонта океан вздымался колоссальными, иссиня-черными валами. Вода буквально кипела — тысячи обезумевших рыб выпрыгивали из волн, пытаясь спастись от неведомой угрозы. Ветер ревел так, что брызги забивали рот едкой солью.

— Похоже на цунами! Черт бы побрал эти службы, почему не было штормового предупреждения?! — крикнул подбежавший Ханк. Его растрепанные волосы слиплись от соленых брызг.

«Штормовой» только-только миновал остров Клиппертон. До заветных координат Соры оставалось чуть больше пятисот миль — при хорошей погоде они бросили бы якорь уже завтра к вечеру. И надо же было столкнуться с катаклизмом именно сейчас!

Вся команда — восемь человек — в панике стянулась в ходовую рубку. Капитан Рено мертвой хваткой вцепился в штурвал. Вокруг него заливались истошным писком радары, навигаторы и эхолоты. Штурман что-то хрипло кричал, пытаясь перекричать зуммеры приборов.

Тан Хуай не понимал ни слова, но выражение лиц моряков говорило само за себя. Он бросил взгляд на панель управления: стрелка аналогового компаса бешено вращалась по кругу. Приборы сошли с ума. Дело было дрянь.

— Тан, это цунами, — Ханк обернулся к нему с побледневшим лицом. — Стихийный сдвиг плит. Приборы молчали до последнего...

В наш век спутников и глубоководных датчиков подобные катаклизмы обычно предсказывают за несколько часов. Но сейчас океан словно взбунтовался сам по себе, не оставив им ни единого шанса на маневр.

«Штормовой» был оборудован всем необходимым, но природа оказалась сильнее. Выслушав очередную резкую команду капитана, Ханк вместе с матросами бросился к выходу. Автоматику заклинило — тяжелый парус нужно было немедленно убирать вручную, пока ветер не опрокинул судно.

Рено крепче сжал зубами незажженную трубку и навалился на штурвал. Тан Хуай остался один в углу рубки. В этой смертельной круговерти он чувствовал себя абсолютно бесполезным балластом.

Очередной вал швырнул сейнер на левый борт, накренив палубу почти на тридцать градусов.

Снаружи матросы отчаянно боролись со снастями — промокшую парусину заклинило намертво. Тан Хуай стиснул зубы. Если они не справятся, судно просто перевернется. Отбросив страх, он выскочил под ледяной ливень.

Палубу заливали потоки грязной пены. Тан Хуай мгновенно вымок до нитки, ноги скользили по мокрому настилу. Кое-как добравшись до мачты, он вцепился в грубый канат рядом со штурманом. Веревка немилосердно драла ладони, обжигая солью содранную кожу, но он тянул изо всех сил. Очередной удар волны едва не смыл их за борт, заставив судно жалобно заскрипеть всеми шпангоутами. На пределе человеческих возможностей, сплотившись против стихии, они все же сумели опустить упрямый холст.

— Тан! Быстро в рубку, за жилетами! — Ханк с облегчением вытер лицо рукавом, но его крик оборвался на полуслове. Его глаза расширились от ужаса. — Тан, берегись!

Тан Хуай не успел сообразить, в чем дело. Он стоял у самого фальшборта, где крепления старого ограждения давно проржавели. Колоссальный водяной вал обрушился на корму без предупреждения. Раздался треск лопнувшего металла, палуба ушла из-под ног, и ледяная бездна мгновенно сомкнулась над его головой.

Ханк отчаянно рванулся вперед, пытаясь перехватить его руку, но пальцы скользнули по мокрой куртке.

«Ну конечно... Бесплатный сыр бывает только в мышеловке», — успел отрешенно подумать Тан Хуай перед тем, как ледяная тьма поглотила его разум.

[Система: Запущен процесс обновления. Физиологические показатели: в норме. Статус пользователя: подтвержден. Уровень синхронизации: стабильный...]

[Выполнение: 35%... 62%... 86%...]

[Обновление успешно завершено.]

Бездушный синтезированный голос выдернул его из небытия. Сознание возвращалось неохотно. Всё тело казалось налитым свинцом, одежда неприятно липла к коже, а затекшие пальцы отказывались повиноваться. Наконец он заставил себя приоткрыть веки.

В глаза ударил ослепительный, нестерпимо яркий солнечный свет. Тан Хуай зажмурился. Вокруг царил абсолютный покой. Ни шторма, ни рева волн, ни старого сейнера — всё исчезло без следа.

Повернув голову, он уперся взглядом в угольно-черного краба размером с ладонь, который замер в паре сантиметров от его лица и воинственно шевелил клешнями.

Тан Хуай замер. Предчувствие подсказывало: если он сейчас же не уберется, эта тварь устроит ему весьма болезненный пирсинг.

Преодолевая слабость, он рывком сел и огляделся.

Тан Хуай лежал на бескрайнем песчаном берегу. Перед ним простиралась безмятежная, гладкая как зеркало водная гладь, лениво лизавшая золотистый песок. А вот позади высились мрачные, изрезанные глубокими расщелинами скалы. Ландшафт разительно напоминал бесплодный Жёлто-бурий каньон: угрюмые сухие плато, глубокие провалы и ни единого намека на растительность. Земля отливала зловещим темно-коричневым оттенком.

Что скрывалось за хребтом этой угрюмой теснины, оставалось только гадать. Темная, мертвая земля скалистого каньона резко обрывалась у кромки пляжа, создавая поразительный, почти сюрреалистичный контраст с безмятежной бирюзой океана.

<http://bllate.org/book/20147/2105998>